

Максим Горький

Ярмарка в Голтве

Максим Алексеевич Горький

Ярмарка в Голтве

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172731
На дне. Избранное : Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-07922-X*

Аннотация

«Местечко Голтва стоит на высокой площади, выдвинувшейся в луга, как мыс в море. С трех сторон обрезанная капризным течением Псла, эта ровная площадь открывает широкие горизонты на север, запад и восток, и в южной части ее столпились в живописную группу белые хатки Голтвы, утопающие в зелени тополей, слив и черешен. Из-за хат вздымаются в небо пять глав деревянной церкви, простенькой и тоже белой. Золотые кресты отражают снопы солнечных лучей и, теряя в блеске солнца свои формы, – похожи на факелы, горящие ярким пламенем...»

Максим Горький

Ярмарка в Голтве

Местечко Голтва стоит на высокой площади, выдвинувшейся в луга, как мыс в море. С трех сторон обрезанная капризным течением Псла, эта ровная площадь открывает широкие горизонты на север, запад и восток, и в южной части ее столпились в живописную группу белые хатки Голтвы, утопающие в зелени тополей, слив и черешен. Из-за хат вздымаются в небо пять глав деревянной церкви, простенькой и тоже белой. Золотые кресты отражают снопы солнечных лучей и, теряя в блеске солнца свои формы, – похожи на факелы, горящие ярким пламенем.

На восток раскинулась равнина обработанных полей – вплоть до горизонта пестреют квадраты, желтые и темные; среди них там и тут стоят пышные, зеленые левады, белые хатки прячутся в садах, дороги выются меж хлебов, как змеи, стада вдали на выгонах – как игрушечные. На западе площадь крутым обрывом опускается к быстро текущему Пслу; его вода блестит на солнце серебром, на берегах стоят вербы и осокори; за Пслем опять поля до горизонта и опять на них куски яркой зелени, полосы созревшего хлеба и белые пятна хуторов. Хутора, в рамках из тополей и верб, – всюду, куда ни взглянешь... Густо засеяна людьми благодатная земля Украины!

Над громадным простором, тесно заставленным возами, тысячеголосый говор стоит в воздухе, знойном и пыльном. Всюду толкуются, спорят и «регочуть» «чоловіки», гором рассыпаются бойкие речи «жінок». Десять хохлов в минуту выпускают из себя столько слов, сколько в то же время наговорят трое евреев, а трое евреев скажут в ту же минуту не более одного цыгана. Если сравнивать, то хохла следует применить к пушке, еврея к скорострельному ружью, а цыган – это митральеза. Черные лица, черные волосы и белые хищные зубы цыган так и мелькают в толпе; их характерная, гортанная речь трещит в ушах, – за ней не успеваешь следить. Их проворные движения и жесты красивы, но заставляют опасаться, быстрые темные глаза с синеватыми белками сверкают хитростью и нахальством. Ловкие, гибкие, они являются ласковыми лисицами басен и скалят зубы, как голодные волки. Четверо из них осаждают какого-то «чоловіка», уже сбитого с толку и растерявшегося под градом убедительных речей, осыпающих его немудрую голову. Он стоит среди них, усердно чешет затылок и тяжело соображает. У него на поводу молоденькая лошаденка. Ее осаждают оводы с таким же усердием и жаром, как ее хозяйина – цыгане. Вокруг этой группы толпа, внимательно следящая за ходом сделки.

– Подождіть!.. – говорит хохол.

– Не хочу! – восклицает цыган. – Что мне ждять: хиба ж я с того, что подожду, гроши зароблю? Я тебе говорю прямо, как перед богом: моя лошадь такая, что и сам полтавский

губернатор на ней поехал бы куда хочешь – хоть в Петербург! Вот на – какая моя лошадь! А что твоя? Только тем она на мою и похожа, что у нее тоже четыре ноги и хвост! А какой у нее хвост? Это стыд, дядько, стыд, а не хвост...

Цыган ожесточенно дергает лошадь за хвост, щупает ее всюду и руками и глазами и всё говорит, говорит. Его товарищи пренебрежительно советуют ему:

– Э, брось! Что тебе хочется в убыток меняться? Вот дурной!.. Брось...

– В убыток? Ну, и буду меняться в убыток! Разве ж я моему коню и карману не хозяин? Мне человек нравится, и я хочу человеку доброе сделать! Дядько! Молитесь господу!..

Хохол снимает шапку, и они оба истово крестятся на церковь.

– Ну, господи благослови! – восклицает цыган. – Берите ж моего коня и помните мое доброе сердце... Берите его и давайте мне пять карбованцев придачи... Вот и всё!.. Кончено!.. Давайте руки...

Хохол из всей силы бьет ладонью по ладони цыгана и говорит:

– Два дам!

– Э! Четыре с половиной!

– Два!

Цыган так шлепнул по руке хохла, что тот потряс ею в воздухе и потом внимательно осмотрел свою ладонь, как бы удостоверясь – цела ли?

– Четыре ровно!

– Два! – упорно стоит на своем хохол.

– Ну, – утомленно говорит цыган, – идите ж теперь к вашей жінке и расскажите ей, какой вы дурень...

– Два! – говорит хохол.

– Вот что, – молитесь богу!

Снова молятся и снова бьют руки друг друга.

– Ну, берите же на свое счастье, мне в убыток: не хочу я с вас, добрый человек, лишних грошей брать, коли нет их у вас в кармане... Даете три с полтиной?

– Ни, – качает головой хохол, оглядывая лошадь цыгана, понурую и шершавую.

– Три с четвертью?

– Ни...

– Чтоб ваша жінка сказала вам сто раз «ни», когда вы у нее борща попросите! Даете три гладких карбованца? И то не даете? Так берите ж за вашу цену. Э, пропали мои гроши и конь хороший!

Лошадей передают из полы в полу, и хохол уходит, ведя на поводу выменянную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми ногами. Морда у нее печальная, и уныло смотрят ее тусклые глаза на толпу людей.

Скоро хохол возвращается назад. Он идет торопливо, так что лошадь едва поспевает за ним; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрят навстречу ему спокойно и разговаривают о чем-то на своем странном языке.

– Це діло не законно, – покачивая головой, говорит хохол, подходя к ним.

– Какое дело? – осведомляется один из цыган.

– А це... Як же вы мені...

– А что мы тобі?..

– Подождіть!.. Як же...

– А як же?

– Да подождіть же!

– А чего ждатель? Когда кобыла родит? Да ты ж, дядько, еще и не венчался с ней!

В толпе хохот. Бедняга хохол апеллирует к ней.

– Добрые люди – ратуйте! Вони мені беззубу коняку на місто моей зубатой наміняли!

Толпа не любит неловких так же, как и слабых. Она становится на сторону цыган...

– А де ж у тебе очи булы? – спрашивает хохла сивый старик.

– Не май з цыганами діла! – поучительно заявляет другой.

Обманутый рассказывает, что он смотрел зубы у коня, но на верхние не обратил внимания, а из них три оказываются сломанными. Должно быть, коня когда-то сильно ударили по морде и сломали ему три зуба. Куда он годится такой? Он есть не может, – вон у него какой вздутый живот. Человек два-три из толпы начинают защищать хохла. Возникает гвалт, и громче всех кричит, не уставая, цыган...

– Э, добрый чоловік! чого ж ты затіяв таку заворуху? Хиба

ты не знаєшь, як треба конів купувати? Коні купувати – як жінку вибирати, все одно, таке ж важне діло... Слухай, я тобі скажу одну казку... Як були на світі три братика, двоє розумні, а третій дурень – ось як ты або ж я...

Товарищи цыгана тоже орут во всю глотку, оправдывая его; хохлы лениво ругаются в ответ; толпа становится всё гуще и теснее...

– Що ж мені зостається, добрі люди? – горестно вопрошает обиженный.

– Ходы до урядника! – кричат ему.

– А и пойду! – решает он.

– Стой, чоловіче! – останавливает его цыган. – Разорить меня хочешь? Разорь! Давай мне три карбованца – я твою лошадь назад виддам! Желаеть? Давай два! Желаеть? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно приятно «тягать к ділу» урядника, и он задумывается. Со всех сторон ему дают советы, но он остается глух и нем, решая что-то про себя. Наконец решил...

– Ну, от що, – уныло говорит он цыгану, – нехай бог тебя судит... Отдай мені моего коня, а два карбованца, що ты в придачу узял, – твои... Триста трясців тобі у боки – грабь!

И цыган ограбил его с таким видом, точно великую милость ему оказал.

– Догадливі люди! – похваливали «чоловіки» цыган, отходя от них.

– Деготь московский, атличный, фабричный, аккуратный, аппаратный, пахучий, тягучий! Шесть копеек кварта, пятнадцать четверть! – возглашает черниговец, восседающий на телеге. Телега, бочка и сам торговец – все это черно и жирно от дегтя и всё движется одной сплошной массой, распространяя вокруг себя характерный аромат.

– А, мабудь, и по пять за кварту продадите? – справляется у дегтярника «чоловік» в необычайно широких штанах и в соломенной шляпе на голове.

– Тпру-у! По пять не могу, хозяину на шесть копеек присягал...

– А, мабудь, можно по пять?

– Никак...

– Эге... Зовсім не можно?

– Слушай, дядько, продам тебе по пять, не говори только никому... Не скажешь?

– Ни, не скажу...

– Ну, давай баклажку.

– На що?

– А на деготь!

– Та мені того вашего дегтя не треба, бо я вже купив... И теж по шість копійек и теж у вас... Я спросив вас за тим, що, мабудь, вы теперь дешевше виддаєте цей деготь.

Дегтярник молча отвертывается, трогает лошадь и едет между возов, возглашая о своем товаре... «Чоловік» провожает его взглядом и говорит другому, раскинувшемуся на

возу:

– Коли б я не куповал кварта дегтя утром, была бы в мене копійка лишня у кишень...

– Эге ж... Жарко!

– Як у пекли...

– Хиба ж твой батько писав тобі з пекла, як там жарко? – спрашивают с воза.

Томящий зной всё усиливается. Запах дегтя, навоза и пота висит в воздухе вместе с тонкой пеленой едкой пыли. Всюду у возов стоят и лежат волы, жуют, не уставая, сено и смотрят в землю большими добрыми глазами. Кажется, что они думают: у них такие осмысленные морды и в глазах светится спокойная, привычная печаль. Мычат коровы и телята, блеют овцы, раздаётся звон кос, пробуемых покупателями. «Чоловіки», приехавшие продавать скот или руно, лежат под возами, скрываясь от солнца и ожидая покупателей. «Чоловіки» покупающие расхаживают между возами, высматривая скот и шагая через ноги продавцов, разбросанные на земле. У каждого покупателя в руке кнут, и, подходя к волам, покупатель считает нужным вытянуть смиренную скотину по боку кнутом. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются от удара, если стояли на ногах.

– Скільки за цю пару просите? – спрашивает покупатель пространство...

Из-под воза раздаётся неторопливый ответ:

– Дев'яносто рублів...

– И то гроши! – говорить покупатель и отходит или спрашивает:

– А чего ж бы вам, дядько, цілу сотнягу не просить?

– Та вже мені більш того, скільки треба, – не треба грошей. А коли вы вже такий добрый, то давайте и усю сотню – я візьму...

– Спасибо вам... А скільки ж бы ділом узяли?

– Та вже так, щоб не довго балакать, возьму я с вас... дев'яносто рублів...

Начинається торг. «Чоловіки» не торопяться, – это совсем не в их характере, – и продавец вылезает из-под воза не ранее того, как убедится, что покупатель серьезный. Понемногу горячатся и вот уже бьют друг друга по рукам, молятся по десяти раз и более, расходятся, снова сходятся. Всё делается медленно, но основательно, вдумчиво. Ядреной и крутой ругани великоруссов, от которой дух в груди спирает и глаза на лоб лезут, не слышно, – ее заменяет меткий юмор, щедро украшающий речи. Не слышно и великорусского «тыканья». Сивый дід, у которого безусый хлопец торгує пару молоденьких бычков, так, например, отчитывает покупателя:

– Здається мені, что вы, хлопче, раненько маткину цицьку на люльку зміняли, бо разума у річах ваших не бачу я...

– Та як же, діду! Воны и некрасиви – ось роги якие...

– А хіба ж вы рогами пахати будете? Так купуйте ж собі козлів: у них рога красивейши...

Сыны Израиля вертятся меж возов, как вьюны. Они обо всем спрашивают, всё щупают и всё покупают. «Чоловіки» говорят им «ты» и смотрят за ними во все глаза. Паны встречаются с «чоловіками» с чувством собственного достоинства, и в разговоре с паном у хохла сквозь внешнюю почтительность пробивается не одна нотка пренебрежения. Видно, что пан давно уже определен как «ненужна козявка у пчелином рои».

У одного из возов корова, привязанная к нему, вдруг зашаталась и в корчах повалилась на землю. «Жінка», продавшая ее, соскочила с воза и закрутилась вокруг большого животного, как в вихре. Испуг, граничащий с ужасом, выразился на лице бедной женщины, сразу лишившейся надежды продать свою скотину.

– Ой, господи! Ой, добри люде! Ратуйте – що воно таке? Що воно? Ой, мати пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горячо обсуждать несчастье. Делали предположения, отчего именно заболела корова и как всего лучше лечить ее. Явился какой-то древний старик, весь, точно плесенью, покрытый лохмотьями, и начал отчитывать корову, творя шепотом молитву. Толпа снимала шапки и молча ждала результатов моления, изредка крестясь. А корова билась на земле в судорогах, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала, и много боли было в ее кротких глазах. Потом ее хозяин, сняв с

головы шапку, стал ею растирать хребет животного, трижды обвел шапкой вокруг рогов, трижды вокруг шеи и столько же вокруг хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили в глотку животного, потом угостили его скипидаром, наконец явился коновал, угрюмый мужик, с разнообразными инструментами у пояса. Он важно осмотрел корову и пробил ей каким-то ржавым гвоздем вену на шее. Тонкими струйками хлынула густая, черная кровь. Какой-то моралист нашелся в толпе. Он посмотрел на корову и ее хозяина, убитого горем, и сказал:

– От це вам, дядько, божие наказание... Здаецца мені, що хотели вы утаиты, яка вона ваша корова... И открыв господь людям вашу думку... От як!

Хохол посмотрел на него и грустно покачал головой.

– Бог мою думку знае... – вздохнул он.

А рядом с этой сценой разыгрывается другая. «Жінка», размахивая руками, как поломанная мельница крыльями, бранит своего «чоловіка». Он сидит на земле, упираясь в нее руками, и блаженно улыбается. Нос у него красный, сияющий, шапка на затылке, ворот рубахи развязался, и солнце бьет ему прямо в грудь и лицо.

– Голодранец ты! Хиба ж морді твоїй не стыдно? Э-э, шибеник! Визьму кнут, та як учну стегать...

– Оле-ена! Утыхо-о-омырся-а! – тянет «чоловік», подмигивая жінке. – Слухай... Я и тобі пивкварти купив.

– О-о! – стонет жінка. – Бесстыжи очи!

Наклонясь к мужу, она с великим трудом приподнимает его с земли и старается засунуть это расслабленное хмелем тело под воз. «Чоловік» стучается головой о колесо и предупреждает жену:

– У кармані штанів скляниця... то як бы и... и вона не побилась... э?

Через минуту они оба дружелюбно распивают «пивкварти», и добрая, хотя строгая, супруга уже обложила своего благоверного сеном и одеждой так, что он мог свалиться в любую сторону без риска удариться своей головой о колесо.

Молоденький еврей с ящиком на груди ходит и кричит:

– Роменский табак! Панский табак! Крепчайший табак!

Черт курил – дымом жінку уморил.

– От це добрый табачино, коли з его жінки мрут! – замечает какой-то Солопий Черевик.

В центре ярмарки два длинных ряда палаток образуют широкую улицу, сплошь набитую народом. Под одним из полотняных навесов приютился еврей с рулеткой. Его окружает плотная толпа преимущественно молодежи, и из нее то и дело раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

– Красна! Черна! Чет!

В стороне бледный и встревоженный парубок уговаривает другого:

– Онисиме! Дай же мені карбованец! Бо я, мабуть, и вочу мои гроши... О, не грать бы мені в ту бісову штуку...

Вертыться, вертыться – та и выверне твои карманці...

Остробородый ярославец торгует гребешками, ножичками, книжками, мылом...

– Паж-жалуйте-с! Заграничные товары! Столичные книги! Благовонные мыла! Небесные духи! Молодой юноша! – позвольте вам предложить книжечку для приятного чтения-с? Не угодно ли подробно рассмотреть, очень занимательная история – смерть господина Ивана Ильича, сочинение графа Толстого. При сем же веселая комедия – «Плоды просвещения». Очень тонко осмеяны господа столичные и русские мужики. Продаю за двадцать копеек-с! Графское сочинение – за двугривенный, дешевле никто не продаст! А вот еще не пожелаете ли – «Князь Серебряный»? Про царя Ивана Грозного... по случаю того, как эта книжечка уже читана, – за тридцать пять копеек отдам! Стихи поэта Пушкина-с – по пятаку и по три копейки книжка... Прекрасные стихи самого веселого содержания... «Андрей Бесстрашный, русская повесть»... цена три копейки. «Япанча, татарский наездник, взятие города Казани». О разведении кур – не желаете ли просветиться? Пять копеек цена... Машинка для усов – извольте-с! «Житие иже во святых отца нашего»... Красавица! Купите зеркальце? Душистое мыло есть... Чего-с? За Ивана Ильича гривенник? Напечатано на книжке – двадцать. За гривенник могу продать вот-с «Еврейские рассказы»... Тетка! Ты так гребень ломаешь... Почтенный! купите бритву? «Загробная жизнь, или О том, что ждет ду-

шу нашу по смерти»... Весьма полезно знать – цена полтина! Не желаете? «Болезни домашних животных» – полюбопытствуйте! «Веретагианская кухня»... А то вот часики продаю: серебро – как золото, ход самый правильный, цена дешевая... Почтеннейший – мыльца для дочки не желаете ли приобрести?.. Последнее слово, милый: за Ивана Ильича – восемнадцать копеек...

Ни одной секунды не молчит этот сухой и поджарый ярославец, продающий сразу двум десяткам покупателей. Его звонкий голос издали влечет к нему народ, и около его лавочки тесная толпа. Одни покупают, другие просто смотрят на продавца и слушают его бойкую, рассыпчатую речь. Здоровенный усатый хохол долго тарасил на ярославца большие выпуклые глаза и вдруг расхохотался.

– Чого вы, пане, регочете? – спросил его сосед.

– Та ось він, цей москаль, нехай ему, бісову сыну, гадюка у глотку влізе... Він зовсим як та молотилка роботає. Доброму чоловіку у місяць стільки не сказати, як він у час каже...

А у возов с глиняной посудой на Опошни, – посудой, замечательной по рисункам, но грубоватой по исполнению, – торгуют хохлы. Здесь не торопятся. Вот какая-то разомлевшая от жары женщина с зонтиком в руках подходит, берет макитру – подобие великорусской корчаги – и, рассмотрев ее, спрашивает:

– Скільки грошей?

– За що? – осведомляється продавець, возлежачий под возом на брюхе.

– А за макитру...

– Тридцять п'ять копійек...

– О, лишечко! та то дуже дорого!

– Хиба ж?

– А звисно! Вон она неровна та корява...

– А що ж ви, пани, с цей макитры стрелять хочеге чи що? Зачим ей буты ровной? Не ружье вона, а макитра.

– Та воно вірно... Ще и не гладка вона та и тускла якато...

– Так же то зеркало гладко та блестяще, зеркало, а не макитра...

– Вона и дребезжит...

– О? То значится – в ней дирка е.

– То-то е дирка...

– Так вже світ устроен, пани, что у ним усе диряво... Вон и у вас, пани, хусточка з диркой...

Пани краснеет и оправляет платок на груди...

– А вы, пани, подивітеся, може и знайдете крепку макитру.

Пани смотрит макитры, а продавець, неподвижно лежа под возом, смотрит на нее...

– Будьте милостивы, скажите мені – от така хороша? – показываает пани выбранную посудину.

– Це? Зо всіх найлучша...

Начинають торговатися. Это длится долго, часто прерываюсь паузами, во время которых женщина выдумывает всё новые и новые недостатки макитры, а торговец наслаждается покоем в тени воза. Бойчее торгуют «жінки». Они продают какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы целые вороха лежат на земле, и, так как ее здесь очень любят, она покупается хорошо. Звонкие голоса женщин так и режут уши.

– Рыба черноморска, керченска, вкусна та солена!

– А вот ще найлучша рыба!

Вечереет. Солнце уже низко над лугами, и пыль, тучей стоящая над ярмаркой, кажется розовой в лучах заката. Гонят скотину на Псел, раздаётся мычание, суровые окрики, кое-где налаживаются песни. Веселые звуки сопилки несутся со стороны погоста. Там, у земляного вала, ограждающего ниву опочивших, собралась толпа хлопцев и, не обращая никакого внимания на «дідові могили», собираются «танцювати» в виду их.

Тополя на погосте тихо качают вершинами, точно протестуя против нарушения мира и тишины в месте упокоения.

А тепери я велька,
Треб-ба мені чоловіка...

– распевают двое пьяных, идя к погосту. Они толкают друг

друга плечами и качаются на ногах, как надломленные. У обоих блаженные красные лица, оба они охрипли от усилий петь согласно: один сдвинул шапку на ухо, а другой держит ее в руке и дирижирует ею, не замечая, что из нее вылезли и болтаются в воздухе какие-то тряпки и куски пеньки. От погоста навстречу им несется дробный топот ног, с жаром выбивающих гопака, и задорные звуки сопилки. Тени от возов становятся всё длиннее. Жара спадает. С лугов тянет запахом свежескошенного сена. Солнце село, и на небе задумчиво замерли легкие облака, еще розовые от заката. Шум понемногу стихает; люди, измороженные хлопотами и зноем дня, вкладываются спать на воздухе и под возами. Тяжело дышат волы, пережевывая сено; фыркают лошади.

Теперь уже все звуки разрознены и ясно слышны, они не сливаются в тот гул, что оглушал и опьянял в течение дня. Вот раздается торжественная музыка. Около слепого, играющего на фисгармонике, толпа молчаливых людей стоит без шапок и благоговейно слушает музыку.

– Господа сим восхва-а-лим и возблагодарим творца на-а-шего, – поет слепой, аккомпанируя себе на звучном инструменте. Густые и успокаивающие ноты печально выются в воздухе над головами молитвенно настроенных людей, покрытых потом и пылью. Иные шепчут что-то – видно, как шевелятся их губы, иные вздыхают... Большинство немо, неподвижно и глубоко серьезно.

А со стороны погоста несется удалая песня, исполняемая

могучим хором молодых голосов: «Гей-гей!» – гремит припев.

Слышно, что эта песня складывалась в широкой степи, верхом на конях, во время похода, старыми свободолюбивыми «лыцарями», проливавшими свою бурную и горячую кровь «за віру християнську та вольності козачи»...

– Пойте славу бога нашег-о-о... яко он творец мира и прибежище челове-е-ков, в нем же обрящем упокоение... – поет и играет слепой.

Ночь идет.

Кое-где уже вспыхнули огоньки костров, и вокруг них видны фигуры людей, красноватые в блеске огня. Приятной свежестью веет с лугов, где Псел, темный, красивый и быстрый, стремительно спешит к Днепру и с ним – в море. Вспыхивают звезды...

Ночь идет.